

Г.М. Веселовский

**Исторический очерк города
Воронежа**

1586-1886

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г11

Г11 **Г.М. Веселовский**
Исторический очерк города Воронежа: 1586-1886 / Г.М. Веселовский – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 302 с.

ISBN 978-5-4241-7396-7

ISBN 978-5-4241-7396-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГОРОДЪ ВОРОНЕЖЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ Г. ВОРОНЕЖА СЪ 1586 ПО 1886 Г.

Первый періодъ (съ 1586 по 1695 г.).

Г Л А В А I.

СОДЕРЖАНІЕ: Указъ Царя Теодора Іоанновича о построеніи города Воронежа. Географическое и политическое обозрѣніе Воронежскаго края до построенія г. Воронежа. Краткое изложеніе историческіхъ свѣдѣній, какіе изъ древнихъ кочующихъ народовъ, если не считались обладателями, то, во всякомъ случаѣ, были нашествниками, разрушителями и раззорителями Воронежской украины. Мѣры Московскаго Правительства противъ нашествій азіатскихъ варваровъ. Сказанія очевидцевъ путешественниковъ о состояніи Воронежскаго края.

1 Марта, 1586 г., при царѣ Теодорѣ Іоанновичѣ (сынѣ и наслѣдникѣ Іоанна Грознаго) въ Москвѣ былъ изданъ указъ слѣдующаго содержанія: *По Государеву цареву и великаго князя Теодора Ивановича всея Русіи указу и по приговору бояръ: князя Теодора Ивановича Мстиславскаго и съ товарищи, на Соснѣ, не доѣзжая Оскола два днища (120 верствъ), поставити вельмо городъ Ливны, а на Дону—на Воронежѣ, не доѣзжая до Богатаго Затону (*) два днища, вельмо поставитъ городъ Воронежѣ. А быти на Ливнахъ городъ ставити воеводѣ князю Володиміру Васильевичу Кольцову—Масальскому, да Лукьяну Хрущову,—на Воронежѣ—воеводѣ Семену Теодоровичу Сабурову да Ивану Судакочеву, да Василію Биркину, и какоѡы будутъ вѣсти на Ливнахъ про приходъ воинскихъ людей на Государевы украины—и съ Ливенъ посылати съ вѣстѣми на Воронежѣ,—а съ Воронежска—по тому же на Ливны съ вѣстѣми посылати. А пхати которыми дорогами*

(*) Богатый затонъ—мѣсто, гдѣ до построенія г. Воронежа была сторожа развѣзжихъ станичниковъ;—находится недалеко отъ г. Корюкова, въ дачахъ с. Конянича.

поближе и бережнѣе; а сторожи воеводамъ поставити присмотря въ которыхъ мѣстѣхъ приложе, и станицы по тому же посылати присмотря, да о томъ описать къ Государю^(*).

Приведенный выше царскій указъ довольно точно и опредѣленно говорить о мѣстѣ и времени построения города Воронежа, но этотъ указъ только въ общихъ чертахъ указываетъ на то, для чего именно Московскому правительству понадобилось построение г. Воронежа.

Къ счастью нашему, періодъ русской исторіи, совпадающій со временемъ построения г. Воронежа, настолько уже обслѣдованъ трудами русскихъ историковъ, что, пользуясь этими трудами, мы свободно можемъ дать отвѣтъ на вопросъ: почему именно Московскому правительству, въ концѣ XVI вѣка, понадобилось построение города Воронежа.

Но, прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, на минуту перенесемъ вниманіе и воображеніе читателя на созерцаніе того, что было и что происходило на Воронежской украинѣ не за 300 только лѣтъ, а гораздо раньше и глубже,—можетъ быть даже и за цѣлую тысячу лѣтъ до нашихъ дней. . . .

Пространство земли, среди котораго возникъ нынѣшній г. Воронежъ, издревле называлось въ нашихъ старинныхъ грамотахъ *полемъ*. Оно занимало всю юго-восточную и юго-западную украину. Этому *полю* не было отмежовано опредѣленныхъ границъ—оно далеко и широко раздвигалось, какъ на востокъ, такъ и на западъ.— На долю же собственно Воронежскаго края изъ этого поля выдѣлялась только широкая полоса земли, занимаемая среднею частию Донскаго бассейна. Эта полоса, если мы взглянемъ даже на современную географическую карту, ярко обрисовываетъ двѣ характерныхъ географическихъ особенностей: сѣверо-восточная линія этого пространства прилегаетъ къ *лѣсистой мѣстности*; юго-восточная —къ *мѣстности степной*. И если въ наши дни это ясно видно, тѣмъ болѣе оно было очевидно за 300 и болѣе лѣтъ тому назадъ, когда устанавливавшаяся и развивавшаяся осѣдлость мѣстныхъ обывателей еще не успѣла наложить своей обывательской эксплуатирующей руки на богатые дары природы.

(*) Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ. 1846 г. № 4, стр. 33, въ ст. *Бяльева*: „О сторож. служ. на Польской укр. Моск. Госуд“.

Полоса земли Воронежскаго края въ то время была положительно обитованной землей: здѣсь обитатель въ изобиліи находилъ для себя густые лѣса, изъ которыхъ могъ брать безданно и безпошлинно для своихъ построеній сколько угодно лѣсу,—могъ, также безданно и безпошлинно, охотиться въ лѣсахъ и заниматься рыбною ловлею въ рѣкахъ, и, въ тоже время, пользуясь положеніемъ „украйнаго обывателя“, ускользать отъ равнаго рода финансовыхъ поборовъ, которые постепенно уже стали накладываться на шею обывателей центральныхъ Русскихъ областей.

Но, за то, рядомъ съ этимъ, такъ сказать, благодатнымъ состояніемъ Воронежскаго края, онъ лежалъ на такой географической границѣ, чрезъ которую волею историческихъ судьбъ совершались непрерывныя нашествія азиатскихъ племенъ на Европу. Эти нашествія до XV столѣтія считались „карою Божіею“, и только съ XVI столѣтія стали обуздываться возрастающею политическою силою Московскаго Государства, и стали служить предметомъ бдительнаго надзора Русскаго правительства за тѣмъ, чтобы разрушать азиатскія нашествія и класть здѣсь твердую гражданскую основу жизни.

Остановимся на нѣсколько словъ на этой до-исторической, такъ сказать, порѣ г. Воронежа, чтобы болѣе ясно представить себѣ, какъ возникновеніе города Воронежа, такъ и дальнѣйшую его историческую судьбу, въ ряду другихъ Русскихъ древнихъ городовъ.

До начала XVI вѣка, пока Московское государство „собиралось“ и сплачивалось въ одинъ цѣлостный государственный организмъ, вокругъ сначала Великаго княжества и потомъ Царства Московскаго, болѣе отдаленныя отъ этого круга области и земли (особенно пограничныя) весьма мало обращали на себя вниманіе.

Въ это время на пограничной полосѣ Воронежскаго края происходило слѣдующее: обширное пространство земли, именуемое *толемь*, съ незапамятныхъ временъ служило удобною дорожкой, по которой изъ глубины Азіи, отъ времени до времени, передвигались въ Европу племена и народы, оставившіе послѣ себя характерное историческое опредѣленіе этого времени, подъ названіемъ „великаго переселенія народовъ“,—и такія названія урочищъ, которыя и теперь еще свидѣтельствуютъ о пребываніи въ томъ или другомъ мѣстѣ *поля* тѣхъ или другихъ азиатскихъ племенъ и народовъ.

„Великое переселение народов“ вообще тяжело отразилось на западных государствах, но всю свою тяжесть варварскія нашествія позже ложились на Русь, которая стояла на рубежѣ Востока съ Западомъ и которая еще не успѣла собраться съ силами, чтобы дать отпоръ напиравшимъ азіатскимъ племенамъ и народамъ.

Поэтому юго-восточное и юго-западное *поле*, начиная отъ Каспійскаго моря (на востокъ) и кончая Карпатскими горами (на западѣ), было раздольнымъ полемъ для переселеній и нашествій изъ Авіи въ Европу.

Исторія насчитываетъ цѣлыя десятки такихъ переселеній и нашествій, подъ разными наименованіями, но мы, въ виду краткаго изложенія историческихъ судебъ г. Воронежа, отмѣтимъ въ своемъ очеркѣ только тѣхъ азіатскихъ переселенцевъ и нашествениковъ, которые, такъ или иначе, захватили своей переселенческой волной долю поля въ Воронежскомъ краѣ и здѣсь оставили послѣ себя тѣ или другіе слѣды.

Первый, по времени переселенія и нашествія на Воронежскій край, азіатскій народъ былъ *Хозары* или *Козары*. Пребываніе ихъ въ настоящей Воронежской Губерніи доказывается весьма ясными показаніями: вблизи нынѣшняго г. Воронежа находилось *Козарское городище*, на которое указываетъ одна изъ грамотъ Воронежскаго Акатова монастыря (Алексѣевскій монастырь), и, кромѣ того, это подтверждается еще и тѣмъ, что въ 5-ти верстахъ отъ г. Воронежа, вверхъ по рѣкѣ, есть великая поляна, издревле называвшаяся „*Козарскимъ полемъ*“ (*).

За Хозарами, въ началѣ IX вѣка, изъ Авіи стали подвигаться на западъ *Печенегы*; они потянулись къ южному Днѣпру, заняли многія земли, присвоенныя Хозарами, и вообще сильно ослабили господство Хозаръ на занятой ими южной полосѣ нынѣшней Россіи.

За Печенегами являются въ нашихъ мѣстахъ *Торки*.

Но особеннымъ хищничествомъ отмѣтили свое нашествіе въ нашемъ краѣ *Половцы*, которые въ первый разъ упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ въ 1055 г. Они стѣсняють своихъ болѣе слабыхъ азіатскихъ предшественниковъ и съ 1068 г. открываютъ упорную борьбу съ русскими удѣльными князьями, а къ концу

(*) *Бол. говитникова*: „Истор., геогр. и экономическое описаніе Вор. губ“, стр. 36.

XI вѣка необозримыя ихъ кочевья раздвигаются уже по всему пространству нынѣшней южной Россіи.

Сѣверная часть Воронежскаго края въ эту пору принадлежала Рязанскому удѣльному княжеству, а южная—вся заполонена была Половцами, кочевавшими здѣсь очень густо и господствовавшими надъ всѣми азіатскими предшественниками.

Только уже въ XII вѣкѣ, послѣ длинной и упорной борьбы русскихъ удѣльныхъ князей съ кочевниками и нашествниками, славянорусское племя стало понемногу отодвигать кочевниковъ далѣе на южную линію *поля* (степную), а сѣверная линія (дѣссинская) стала мало по малу не только закрѣпляться за русскими удѣльными княжествами, но и колонизироваться русскими выходцами—поселенцами, которые охотно уходили въ этотъ край, занимались здѣсь бортничествомъ (пчеловодствомъ), звѣроловствомъ, рыболовствомъ и другими мирными промыслами.

Но, чрезъ сто лѣтъ, послѣ отбѣсненія съ сѣверной полосы Воронежскаго края Половцевъ къ южнымъ степямъ, на Воронежскую Украину нахлынуло *Монгольско-татарское племя*, съ которымъ русскимъ удѣльнымъ князьямъ пришлось считаться съ большимъ напряженіемъ своихъ силъ, чѣмъ это было при всѣхъ предшествовавшихъ нашествіяхъ азіатскихъ племенъ и народовъ.

Татары-монголы двинулись изъ Азіи въ то время, когда по южному русскому *полю* уже стали показываться мирныя русскія поселенія; когда населенность южной Украины стала разрастаться—въ надеждѣ, что Богъ остановилъ „свою кару“, въ лицѣ азіатскихъ нашествниковъ, и далъ просторъ мирному развитію гражданской жизни русскаго государства.

Но не такъ случилось, какъ предполагалось. Съ XIII вѣка изъ Азіи двинулось на Европу въ ужасающихъ размѣрахъ монгольско-татарское племя, которое своею численною лавою залило не только все южное *поле*, поработило всѣ наши южныя княжества, но, наконецъ, наложило и на всю Русь, такъ называемое, „татарско-монгольское иго“.

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь лѣтописныя сказанія, насколько монгольско-татарскія нашествія коснулись собственно Воронежскаго края. Такъ: въ 1380 г. въ лѣтописи отмѣчено, что „въ этомъ году великій ханъ Мамай стоялъ на Воронежѣ (рѣкѣ), кочуя во мнозѣ силѣ“. А въ 1415 году говорится: „придоша татарове многи и воеваша по за-Дону рѣки власти Рязанскія, и

много зла сотворше: градъ Елецъ взяша и Елецкаго князя убиша, и, много воевавшѣ, татарове возвратились со многими полѣномъ и богатствомъ восвояси“.

Весьма интересно отмѣтить здѣсь самый характеръ азіатскихъ кочевовъ и нашествій. Зимомъ обыкновенно азіатскія орды приближались къ югу, къ берегамъ морей: Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго. Здѣсь они имѣли села и города, въ которыхъ не большая часть народа оставалась постоянно, для размѣна товаровъ степныхъ на товары южныхъ мореходныхъ народовъ. Съ наступленіемъ весны орды оставляли теплыя прибрежья, и каждое племя, своимъ путемъ (сажмою), шло на сѣверъ, руководимое курганами и каменными бабами, стараясь въ серединѣ лѣта, въ самые жары, достигнуть опушки сѣверныхъ лѣсовъ, гдѣ солнце не выжигало лѣстбицы. Здѣсь кочевники также строили городища и села. Постоянными жителями ихъ были опять торговцы, вымѣнивавшіе у лѣсныхъ звѣролововъ мѣха, или любители звѣриной ловли, изъ степняковъ. Хозарское городище на берегу рѣки Воронежя, какъ разъ расположенное на границѣ древнихъ Воронежскихъ или Липецкихъ лѣсовъ, принадлежало, вѣроятно, къ числу послѣднихъ сельбицъ“ (*).

Съ конца XIV вѣка начинается, однакожъ, весьма благопріятный поворотъ въ судьбѣ юго-восточныхъ и юго-западныхъ украинъ Русскаго государства. Въ то время, какъ удѣльные русскіе князья постепенно теряли свои удѣлы и входили въ составъ Великаго княжества московскаго, орда монгольско-татарская, состоявшая изъ нѣсколькихъ племенъ, изъ одного цѣлаго своего организма стала распадаться на отдѣльныя племенные части, и эти части, ватывая между собою споры и враждебныя военныя столкновенія, естественно, стали ослаблять свою могущественную силу, давая, такимъ образомъ, Московскому государству возможность побѣждать ихъ и, наконецъ, свергнуть наложенное ими на Россію „монгольско-татарское иго“.

Послѣ распаденія монгольско-татарской орды, Воронежскому краю пришлось вѣдаться особенно съ двумя образовавшимися ордами: *Кремской* и *Налайской*; первая напирала съ юго-запада, вторая—съ юго-востока.

До какой степени распространено было въ Воронежскомъ

(*) *Сказаніе*, „Истор.—статист. оч. Ворон. Губер“. Памятная кн. Вор. Губ. на 1861 г., стр. 70 и 71.

край господство татарь-монголовъ—объ этомъ можно судить по тѣмъ татарскимъ названіямъ мѣстныхъ рѣкъ и поселеній, которыя сохранились и до настоящаго времени, таковы, напримеръ: Бытукъ, Мамонъ, Хава, Маза, Бирючь, Усмань, и др.

Съ XVI столѣтія, съ распространеніемъ границъ Московскаго Государства, правительство стало учреждать на юго-восточной украинѣ *сторѣжи и станицы*, которыя, мало по малу, принимаютъ видъ линій настоящихъ укрѣпленій, готовыхъ дать боевой отпоръ нашествіямъ расположившихся на югѣ ордъ. При Іоаниѣ Грозномъ (въ XVI в.) эти пограничныя сторожевыя линіи стали приводиться уже въ правильное устройство, и даже составленъ былъ особый уставъ „о сторожевой и станичной службѣ на украинѣхъ“. Уже въ 1571 г. въ Воронежскомъ край сторѣжи стояли у Галичьихъ горъ и Тешевского лѣса (близъ нынѣшняго г. Задонска), у Криваго Бора—на Польномъ Воронежѣ, у Торбѣева брода—на Дону, на Осколѣ-Усть-Убли, на Корени, Корочѣ, на Айдарѣ, на Богатомъ затонѣ, на Усть-Тулуцеевой, у верховья этой рѣки, близъ мѣловыхъ горъ, на Савалѣ, Елани и Телеормановскомъ лѣсу—въ пунктѣ, составляющемъ нынѣ границу Борисоглѣбскаго и Новохоперскаго уѣздовъ(*).

Эти сторѣжи, станицы и караулы въ началѣ были не болѣе, какъ скрытые притоны развѣзжихъ служилыхъ людей—сторожей и станичниковъ, которые изъ своихъ сторожевыхъ, станичныхъ и караульныхъ пунктовъ углублялись въ степи по всѣмъ направленіямъ и доходили иногда до самыхъ татарскихъ кочевьевъ. „Въ 1380 г. Великій Князь Дмитрій Ивановичъ, свѣдавъ о походѣ Мамаѣ, посылалъ окружниковъ на Быструю и Тихую Сосну степи за Татарами и подъ орду ѣхать, языка добывать и истину увѣдать Мамаева хотѣнія“ (**).

Сторѣжи, станицы и караулы, разставляемые Московскимъ правительствомъ до конца XVI в., далеко, однакожь, не достигали цѣли—болѣе серьезной политической охраны и отпора набѣгамъ и нашествіямъ сосѣднихъ варварскихъ ордъ. Сторѣжи, станичники и караулы могли еще выполнять задачу—своевременно доносить Московскому правительству о предпринятыхъ и предпринимаемыхъ со стороны сосѣднихъ варварскихъ племенъ враж-

(*) Бяляева: „О станичн. службѣ.“ стр. 7—21, 31—34.

(**) Никонов. Лѣтоп., т. IV, стр. 97.

дебныхъ нашествіяхъ, но они были безсильны сами отражать эти варварскія нашествія. Поэтому, волею не волею, Московскому правительству пришлось, кромѣ сторожей, станицъ и карауловъ, прибѣгнуть къ болѣе серьезной оборонѣ своихъ украинъ:—постройкѣ украинныхъ городовъ, которые, исполняя сторожевую, станичную и караульную службу, вмѣстѣ съ тѣмъ, служили-бы и достаточно укрѣпленными пунктами, на манеръ современныхъ пограничныхъ крѣпостей.

Вотъ эта-то задача и выпала на долю новопостроеннаго г. Воронежа, за первыя сто лѣтъ его существованія.

Чтобы довершить краткій историческій обзоръ того, что было и что происходило на Воронежской украинѣ до построения города Воронежа, мы приведемъ еще слова писателей-очевидцевъ, о состояніи Воронежскаго края въ эту пору. Такъ, въ 1389 г., по словамъ описателя „хожденія Митрополита Пимена въ Царьградъ,“ Воронежскій край представлялъ совершенно безлюдную пустыню: *„Высть же сіе пунное шестіе, говоритъ онъ, печально и уныливо, бѣше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ-бо видѣти тамо ни чтоже: ни града, ни села; аще-бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ жьсть, точію пусто-же все и не населено; ни идѣ бо видѣти челоуька, точію пустыни велія и зѣрїе множество:—kozy, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и др.“* (*)

Въ такомъ же состояніи находился Воронежскій край и черезъ сто лѣтъ послѣ путешествія Пимена. Въ 1476 г. чрезъ эту мѣстность проѣзжалъ Венеціанскій посоль Контарини и Московскій посланецъ Марко-Руфъ, ѣхавшіе изъ Персіи въ Москву. „12 сентября 1476 г., пишетъ Контарини, вступили мы, наконецъ, въ землю Русскую и встрѣтили нѣсколько хижинъ, окруженныхъ лѣсами. Жители деревушки, услышавъ, что Маркъ находится въ караванѣ, выжили къ нему на встрѣчу съ большою страхъ, опасаясь бывшихъ съ нами татаръ, и принесли намъ нѣсколько сотоваго меду, которымъ Маркъ подѣлился со мною. Это пособіе пришло весьма кстати, ибо въсь мы до такой степени отоцали отъ продолжительнаго пути, что едва могли держаться на лошадахъ“ (**).

(*) Болговитъ, —стр. 9.

(**) Карамзина И. Г. Р. т. VII.

Но эти скудныя и только кое-гдѣ попадавшіяся путнику поселенія Воронежскаго края уже исповѣдывали христіанскую вѣру и были причислены къ вѣдомству епископа Рязанскаго, что видно изъ грамотъ Митрополитовъ Московскихъ: Θεогноста (1334—1353) и Алексѣя (около 1360). Грамоты эти были обращены къ христіанамъ, жившимъ въ предѣлахъ „Червленнаго яру“ (*) и по карауламъ воевлѣ Хопоръ по Дону.

ГЛАВА II.

СОДЕРЖАНИЕ: Картина вѣшняго устройства русскаго украинскаго города. Вѣшній видъ древняго города Воронежа: „острогъ“, посадъ, слободы; земляныя ры; городскія башенныя стѣны и церкви. Вѣшнее внутреннее устройство древняго г. Воронежа.

Разсказывая трехсотлѣтнюю судьбу г. Воронежа, мы мало имѣемъ подъ руками историческихъ документовъ, чтобы представить читателю наглядно вѣшнюю картину новопостроеннаго города Воронежа, но мы можемъ воспроизвести ее на основаніи картины общаго типа всѣхъ украинскихъ городовъ, воедвигавшихся Московскимъ правительствомъ. „Украинскія степи, пишетъ мѣстный изслѣдователь нашей старины, по берегамъ большихъ и малыхъ рѣкъ были покрыты дремучими, не проходимыми лѣсами, доставляющими въ изобиліи матеріалъ для всякаго рода построекъ; а потому есть основаніе предполагать, что тогдашніе города наши, не похожіе на города въ западно-европейскомъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе, были красивѣе теперешнихъ сель, хотя вся постройка была деревянная, но хорошій лѣсъ и тесовыя крыши придавали имъ болѣе изящный видъ, чѣмъ тотъ, какой представляютъ теперешнія жалкія избушки, какъ бы придавленные безобразными кучами почернѣвшей соломы. По изобилію лѣсныхъ матеріаловъ и по слабому развитію земледѣлія, кажется, безъ ошибки можно сказать, что если не всё, то большая часть городскыхъ построекъ была покрыта тесомъ; по крайней мѣрѣ положительно извѣстно, что церкви, башни и казенныя постройки крылись этимъ матеріаломъ. Довольно оригинальную картину представлялъ путнику русскій украинный городъ XVI и XVII столѣтій. Прежде всего

(*) Червленныя яромъ описатель „хожденія Митрополита Пимена“ называетъ яруу, впадающую въ Донъ, ниже Тихой Сосны и выше Батюка (вѣроятнѣе—Изорецъ).

бросается въ глаза стоящій на возвышеніи „острогъ“, городская крѣпость, окруженная неравнобѣрной вышины (отъ 2 до 3 саж.) деревянною стѣною, съ возвышающимися надъ нею башнями, также не одинаковой вышины (отъ 3 до 7 сажень), находящимися не въ равномерномъ другъ отъ друга равстояніи. Изъ за-острожныхъ стѣнъ видѣлись кресты и главы церквей, и только немногіе, болѣе другихъ высокіе дома обывателей (рѣдко въ 1½ этажа; образцы подобной постройки и теперь еще можно видѣть въ при-московныхъ селахъ). Далѣе открывалась болѣе широкая панорама посадовъ и слободъ, болѣею частію обращенныхъ къ той сторонѣ, которая представляла наименьшую опасность со стороны варварскихъ нападений. Посады и слободы имѣли своя церкви, монастыри, лавки и базары. Городъ обыкновенно опирался на крутой нагорный берегъ рѣки, или къ чащѣ густаго лѣса, чтобы, такимъ образомъ, хоть съ одной стороны находиться въ наименьшей опасности отъ варваровъ (*).

Но, хотя въ напечатанныхъ актахъ Воронежской старины мы и не находимъ указаній, что представлялъ изъ себя г. Воронежъ въ первые годы его первоначальной отстройки, тѣмъ не менѣе, мы можемъ смѣло рисовать его первоначальный видъ, основываясь, съ одной стороны, на общемъ типѣ украинскихъ городовъ, а съ другой — на позднѣйшихъ показаніяхъ Воронежскихъ актовъ, изъ которыхъ видно, въ какомъ положеніи находился городъ Воронежъ, спустя почти сто лѣтъ послѣ его построенія, — что изъ этого построенія уцѣлѣло, и что потребовало перестройки и исправленія за удобою и ветхостію.

Какъ мы уже знаемъ, г. Воронежъ былъ построенъ на правомъ берегу р. Воронежа, на той возвышенной мѣстности, которая, начинаясь съ площади нынѣшняго Митрофановскаго монастыря, спускалась на обширный и крутой выступъ къ рѣкѣ, который теперь въ одной его части носить названіе „острожнаго бугра“. Это послѣднее названіе, впрочемъ, возникло вовсе не какъ памятникъ древняго „острога“ (укрѣпленія) Воронежа, а потому, что въ позднѣйшее время на одной изъ площадей этого обширнаго горнаго выступа былъ построенъ острогъ, не въ смыслѣ крѣпости города, а, просто, тюремный замокъ для уголовныхъ прес-

(*) „Историч. свѣдѣнія о городѣ Воронежѣ“, „Ворон. бесѣда“ за 1861 г., стр. 276 и 277.